

ГЕНИЙ СТОЛИЧНОГО СЫСКА

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Записки придворного сыщика

Евгений Сухов

Гений столичного сыска

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е.

Гений столичного сыска / Е. Сухов — «Эксмо»,
2024 — (Записки придворного сыщика)

ISBN 978-5-04-208939-8

Исторический детектив о преступлении начала прошлого века. Автор настолько увлекательно погружает нас в атмосферу того времени, что мы буквально слышим грохот мостовой, шум городского базара, звон колоколов и пронзительные свистки городских... Поздней осенью 1903 года в одну из полицейских частей Москвы обратился мещанин Колобов и потребовал арестовать его за убийство старой генеральши и ее горничной, совершенное им в Рязани. Он был так убедителен, что полицейские немедленно выполнили его просьбу. Наутро Колобова нашли в камере мертвым... Проверить причастность покойного к двойному убийству поручено судебному следователю по особо важным делам Ивану Федоровичу Воловцову. Он выезжает в Рязань и возобновляет следствие. Но ни один из свидетелей не признает по фотографии Колобова. В деле уже есть обвиняемый, и скоро над ним состоится суд. Однако Воловцова настораживает такая спешка. Он понимает, что обвинение выдвинуто на скорую руку, многие факты противоречат друг другу, мотив до конца неясен... Иван Федорович решает заново изучить детали преступления и вскоре, неожиданно для всех, делает ошеломляющее заключение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208939-8

© Сухов Е., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Евгений Сухов

Гений столичного сыска

Записки придворного сыщика

© Сухов Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Что случилось третьего дня

Бывшее здание Сената в Кремле, где ныне размещается Судебная палата и Московский окружной суд, видно издалека. Особенно если смотреть с Красной площади близ Сенатской башни. А все благодаря мощному куполу трехэтажного здания, венчающемуся столпом с царской короной и надписью «ЗАКОНЪ».

Кто-то, зная или догадываясь, что под куполом здания находятся судебные учреждения, пройдет себе мимо, что вполне объяснимо: лучше вовсе ничего не знать про все эти присутственные места, посещение которых отнюдь не добавляет радости. Другие, увидев столп с символом царской власти и означенной надписью, уверятся, что закон превыше всего. Даже власти царя... Запомняв о том, что даже в свете новых веяний наступившего века царская власть и есть незыблемый закон...

Судебный следователь по важнейшим делам Иван Федорович Воловцов, направляясь в приемную своего непосредственного начальника председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты статского советника Геннадия Никифоровича Радченко, не думал ни о законе, ни о царской власти. Он вообще не думал ни о чем таком серьезном. Мысль его была предельно проста: как бы не повстречаться с судебным следователем Караваевым, человеком, по его мнению, весьма неприятным. А все потому, что из-за лени и тугоумия Караваева несколько непростых дел, находящихся в его производстве, были переданы Воловцову. Не случись этой передачи, следствие так и осталось бы незавершенным. Непонятно, куда смотрит руководство. Давно бы надлежало гнать этого Караваева из Департамента уголовных дел Судебной палаты взащей! Возможно, прокурор Московской судебной палаты его превосходит Владимир Александрович Завадский так бы и поступил, поскольку на дух не переносил лентяев, если бы тот не имел знатного покровителя – Владимира Даниловича Караваева, сенатора и тайного советника.

А еще Ивану Федоровичу подумалось, что наверняка после трехнедельной вакации¹, с таким трудом им выпрошенной, ему наверняка подсунут какое-нибудь гиблое дело. Уж в этом-то будьте уверены!

В приемной председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты никого не было. Кроме секретаря, конечно, молодого франта с тоненькими усиками под длинным носом, важно сидевшего за своим столом. Он поздоровался с Иваном Федоровичем и, приняв сосредоточенное выражение, занялся бумагами на столе. А может, просто делал вид... Все эти секретари при больших господах – с хитрецей и преисполненные какого-то тайного величия.

До десяти часов дня оставалось несколько минут. И вот когда малая стрелка напольных часов указала на десять часов, а большая уверенно расположилась на цифре двенадцать, комнату наполнили глухие торжественные удары, двери приемной отворились, и вошел румяный Радченко Геннадий Никифорович, непосредственный начальник коллежского советника Воловцова.

Радченко был на несколько лет старше Ивана Федоровича и имел чин статского советника, что, впрочем, не мешало им быть накоротке и обращаться друг к другу на «ты». Надо признать, что с начальником Воловцову повезло: Геннадий Никифорович был человеком благоразумным, грамотным, знающим свое дело обстоятельно и до мельчайших тонкостей.

– Прибыл, значит? – спросил он по-дружески, взглянув на Воловцова.

– Так точно! – по-военному ответил Иван Федорович.

¹ Вакация – (здесь) время, свободное от службы; отпуск.

– Ну, тогда заходи. – Радченко прошел в кабинет, оставив двери открытыми.

Воловцов вошел следом и сел на стул, ожидая, пока статский советник разденется и уберет верхнюю одежду в громоздкий шкаф, стоящий у входа.

– Как отдохнул? – Радченко метнул на Воловцова взгляд и чуть заметно усмехнулся: – Как здоровье тетушки?

– Да все слава богу, она ведь... – начал было отвечать на вопросы начальника Иван Федорович, но Радченко его перебил:

– Наслышаны мы о твоём рязанском деле. Значит, ты для этого отпуск себе вымаливал, чтобы в соседней губернии убивцев и поджигателей на чистую воду вывести? А говорил, устал, передых требуется... Ох, хитер! – Он слегка погрозил подчиненному пальцем. – Тебе здесь работы не хватает, так ты там решил себя проявить? Вот что значит Воловцов – не человек, а кремь! Не может без работы сидеть. А вообще, молодец, хвалю!

– Так получилось, – тоном виноватого ученика произнес Воловцов. – А разве Рязань не входит в состав округа нашей Судебной палаты? – поднял Иван Федорович свой взор на статского советника.

– Входит, входит, – насмешливо произнес Радченко и, уже не скрываясь, усмехнулся: – Так для тебя же все равно границ не существует. Ты куда его превосходительству Владимиру Александровичу доложишь, что на службу вышел вовремя и в полной готовности. Может, наш генерал² тебе чего ладного посулит или чего дельного скажет, – продолжал хитро улыбаться Геннадий Никифорович. – А то мы боимся, что ты всех убивцев по округе отловишь и другим ничего не оставишь. Наверняка подберет для тебя дельце, достойное твоего масштаба!

– Геннадий Никифорович, но ведь я же...

– Ладно-ладно, не благодари, иди уж!

– Нет, я не о том. Я хотел сказать...

– Хочешь, чтобы я подобрал? Какой ты все-таки, Иван Федорович, злой на работу! Хорошо, так и быть, подберу для тебя новое дельце. Как раз такое, какое, кроме тебя, вряд ли кто сумеет раскрыть. Думаю, ты останешься доволен.

Судебный следователь по важнейшим делам Воловцов вышел из кабинета Радченко слегка озадаченный. По тому, как это было сказано – «новое дельце», – Иван Федорович понял, что его опасения насчет «гиблого дела», похоже, небезосновательны...

Окружной прокурор Московской судебной палаты действительный статский советник Владимир Александрович Завадский, кавалер семи орденов, включая орден Святой Анны второй степени, встретил Воловцова с распростертыми объятиями. Сказано, конечно, образно. Ежели выразиться более приземленно, то, завидев Ивана Федоровича входящим в кабинет, Завадский поднялся, вышел из-за стола и даже сделал несколько шагов навстречу Воловцову, что должно было означать особое к нему расположение, протянул сухощавую ладошку:

– Вот он наш герой... Какой молодчина! Рад, рад, Иван Федорович!

Владимир Александрович предложил Воловцову присесть и вернулся за свой огромный стол, занимавший едва ли не четверть кабинета. Действительный статский советник Завадский часто был придирчив, скрупулезен и считал себя обязанным быть в курсе всего происходящего в обоих гражданских и уголовном департаментах палаты. Вследствие этого он периодически докучал своим подчиненным всяческими проверками, часто заставляя их писать различного рода отчеты, доклады и рапорты по поводу и без. Характер окружной прокурор имел нервический и по-стариковски тревожный, и зачастую не без вредности. Его норы усугублялись еще и тем, что, разменяв год назад седьмой десяток, Владимир Александрович рассчитывал в скором времени получить почетное и достойное его беспорочной службы и заслуг звание сенатора.

² Генерал – чин действительного статского советника, согласно «Табели о рангах» соответствовал воинскому званию генерал-майора.

А поэтому весьма опасался допустить хоть какую-нибудь промашку или, не приведи господь, серьезную ошибку и тем самым перечеркнуть все надежды на сенаторское звание.

В добром расположении духа, какое виделось сейчас коллежскому советнику Воловцову, его превосходительство бывал нечасто, потому Иван Федорович немного успокоился, уж чего-чего, а распеканции³ от Завадского сейчас не будет.

– Рад сообщить вам, Иван Федорович, что нами получены благодарственные письма от господ рязанского губернатора и прокурора тамошнего Окружного суда о вашей помощи в расследовании известного вам дела, – бодро произнес окружной прокурор Московской судебной палаты Завадский. – Весьма нашумевшего! – И несколько тише продолжил: – Великий князь Сергей Александрович⁴ о нем выспрашивал... Эти господа, помимо прочего, положительно ходатайствуют о награждении вас орденом, о чем мною уже написано представление. Так что в самом недалгом времени я надеюсь вручить вам орден Святой Анны третьей степени, вполне заслуженный. Признаюсь, я очень доволен, что в нашей Судебной палате служат лица, считающие себя на службе государю и Отечеству и в вакационное время. Это весьма и весьма похвально...

– Благодарю вас, – привстал со своего стула Иван Федорович, но Завадский жестом усадил его обратно.

– И еще, – несколько строже продолжил его превосходительство, – принято решение и уже получено письменное согласие от генерал-прокурора и министра юстиции действительного тайного советника Николая Валериановича Муравьева о весьма значительном расширении ваших полномочий. Вы теперь по должности являетесь судебным следователем по *особо важным делам*, то есть наделяетесь полномочиями расследовать уголовные и иные дела не только на территории округа Московского окружного суда и Судебной палаты, но и на территории всей Российской империи. Хотя, полагаю, вам к этому не привыкать, – улыбнулся Завадский. – Это очень почетно, но и весьма ответственно. И заметьте: должность сия вам вменяется безо всякой предварительной аттестации, – после этих слов действительный статский советник Завадский со значением посмотрел на Воловцова, – поскольку будем считать, что вы прошли ее, раскрыв такое непростое дело в Рязани. А теперь, – Владимир Александрович отвел взгляд от собеседника, – не смею вас больше задерживать...

У Радченко был посетитель, поэтому Воловцову пришлось с четверть часа подождать в приемной, пролистывая газеты, лежащие на небольшом столике. Когда статский советник освободился, Иван Федорович вошел в кабинет начальника с некоторой опаской, поскольку вспомнил его слова про «новое дельце».

– Ну что, как тебе наш окружной прокурор? – поинтересовался Радченко, складывая бумаги в аккуратную стопочку на столе.

– Я застал его в благостном расположении духа, – отозвался Иван Федорович.

– Значит, быть ему вскорости сенатором, – резюмировал статский советник. – А тут еще сам градоначальник его поддерживает. О новом деле для тебя он ничего не сказывал?

– Нет, – ответил Воловцов, насторожившись.

– Ясно. Решил все перевалить на мои плечи... Ну, мне это не впервой, а потом, в сенаторы я пока не стремлюсь, – после недолгого молчания и глубокого вздоха посмотрел на Ивана Федоровича Радченко. – Ты слышал что-нибудь об убийстве в Рязани генеральши Безобразовой и ее горничной двадцать восьмого августа сего года? Тетушка тебе об этом ничего не рассказывала?

– Да что-то такое слышал, однако сейчас не припомню точно, – нахмурил лоб Воловцов.

³ Распеканция – от глагола «распекать», то есть учинять выговор, порицание, нагоняй.

⁴ Великий князь Сергей Александрович Романов – градоначальник Москвы (26.02.1891—01.01.1905).

– А вот и напрасно, – заметил ему на это Геннадий Никифорович. – Дело обещает быть весьма громким...

– Так, а я здесь при чем? – пытливо посмотрел прямо в глаза статскому советнику Иван Федорович.

– Хм... А вот сейчас ты узнаешь, – не отвел взгляда от Воловцова председатель Департамента уголовных дел Судебной палаты. – Третьего дня случилось одно происшествие, на первый взгляд странное и вызывающее множество вопросов. О нем нам сообщили вчера, когда уже ничего нельзя было предпринять и исправить.

– Вы говорите загадками, – почему-то перешел на «вы» Иван Федорович.

– Все верно. Само это происшествие и есть не что иное, как полная загадка, – задумчиво произнес Геннадий Никифорович, – которую именно тебе и придется разрешить...

– Или не придется, – добавил за своего начальника следователь теперь уже по особо важным делам.

– Или не придется, – согласился с Иваном Федоровичем Радченко. И добавил: – Но ты ведь постарайся?

– Постараюсь, куда же я денусь? – усмехнулся Воловцов. – Будем считать, что интригу ты подпустил. А теперь рассказывай поподробнее.

– Хорошо, – кивнул статский советник. – Слушай... Третьего дня, поздно вечером, в управление Сретенской полицейской части постучался молодой человек болезненного вида. Когда ему открыли, он представился мещанином Иваном Александровичем Колобовым и заявил дежурному полицейскому чину, что, дескать, его надлежит немедленно арестовать, поскольку он проживал в августе месяце в Рязани и знает, кто совершил убийство генеральши Безобразовой и ее горничной. Более того, по его словам, возможно, и он сам принимал в этом душегубстве участие. Свой допрос Колобов попросил отложить до утра, сказал, что ему нужно все тщательно обдумать, после чего его закрыли в камере. А утром, когда камеру открыли, Колобов оказался мертвый... Твоя задача состоит в том, – статский советник взглянул в глаза Воловцову, – чтобы прояснить личность этого Колобова, а также проверить правдивость его слов.

– Так мне что, опять в Рязань придется ехать? – удивился Иван Федорович.

– По всей вероятности, да. Что поделаешь, у тебя работа такая. А потом, ты ведь не любишь сидеть на одном месте, тебе оперативный простор подавай! – ответил Радченко. – Ну и с делом генеральши Безобразовой придется познакомиться, поскольку без этого, похоже, не обойтись, – добавил он.

– Понятно, – протянул Воловцов и опять перешел с Радченко на «вы»: – Разрешите приступить к выполнению задания?

– Приступайте, – вполне серьезно ответил Геннадий Никифорович и углубился в деловые бумаги.

Глава 2

Самооговоры бывают разными

В России ноябрь месяц только по календарю осенний. Так сказать, де-юре. А на практике, то есть де-факто, ноябрь – это уже решительно зима. Со льдом, со снегом, который случается выше щиколотки, с ночными морозами и инеем на деревьях, делающим их неживыми, словно искусственная театральная декорация для детской сказки. И это только начало пьесы под названием «Зима». А сама пьеса всегда со многими действиями будет играть и в декабре, и в январе, в феврале – кульминация представления, а в марте и начале апреля будут завершающие сцены. Случается, что и в мае месяце, после весеннего тепла, выпадает тяжелый мокрый снег и лежит по несколько дней кряду. Это заставляет многих городских обывателей, чертыхаясь и кляня непогоду, лезть в чуланы и кладовки и доставать обратно недавно вычищенные и сложенные в сундуки шерстяные и меховые вещи, переложенные стружкой хозяйственного мыла и посыпанные нафталином. А те из горожан, кто не желает или ленится доставать уложенные на хранение зимние вещи и продолжает ходить в весеннем одеянии, цепляют в скором времени болезнь, именуемую инфлюэнца. И ладно бы они сами болели, одиночно. Так нет же! Своим чиханием и кашлем они заражают других. И вот вам уже эпидемия и множество больных самых разных сословий, в том числе и граждан, состоящих на государственной службе, отсутствие коих на своем месте в нужный момент может сказаться на состоянии дел в городе, уезде, губернии, а то и во всей Российской империи. А это уже дело государственной важности!

Иван Федорович Воловцов болел нечасто, поскольку всегда одевался по погоде. Вот и на этот раз он был одет по-зимнему: в теплых штиблетах-балморалах с галошами, габардиновой бекеше с каракулевым воротником и зимней касторовой шляпе.

Из Кремля Иван Федорович пешочком прошел через Александровский сад, на улице Манежной взял извозчика и через Моховую, а потом через Неглинный проезд выехал на Цветной бульвар. С него повернул в Первый Знаменский переулок, доехал до его конца и повернул направо, в Третий Знаменский.

– Дальше-то куды, ваш бродь? – оглянувшись, спросил извозчик в овчинном тулупе.

– Дуй до пожарной каланчи, – приказал Воловцов.

Сретенская полицейская часть располагалась вместе с пожарным депо на Сретенской горке в Третьем Знаменском переулке недалеко от Цветного бульвара. Это был длинный и весьма старый двухэтажный дом, построенный еще в середине восемнадцатого века: первый этаж дома уже начал потихоньку вращаться в землю, что случается с домами, имеющими вековую и более историю.

Иван Федорович вошел в здание и, представившись дежурному полицейскому чину, прошел внутрь. Участковый пристав Земцов, которого Воловцов немного знал, находился на месте.

– Я по поводу Колобова, – поздоровавшись, заявил Земцову Воловцов. – Когда он пришел в часть, кто был дежурным офицером?

– Старший унтер-офицер Подвойский, – последовал быстрый ответ.

– Я могу с ним переговорить? – спросил Иван Федорович в надежде, что унтер окажется на месте.

– Отчего же нет? Конечно, – с готовностью ответил пристав Земцов, оправдав надежды Воловцова, и вышел из кабинета.

Через минуту он вернулся с высоким добродушным здоровяком в полицейских шароварах, круглой мерлушковой шапке и черной шинели с контр-погонами, на которых витые оранжевые плечевые шнуры имели по три посеребренные гомбочки.

– Городовой старшего оклада старший унтер-офицер Подвойский, – бодро отрапортовал полицейский, за плечами которого в жизненном багаже явно находилась суровая воинская служба.

– Судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Воловцов, – в свою очередь, представился гость. – У меня к вам будет несколько вопросов.

Старший унтер-офицер кивнул и вопросительно уставился на судебного следователя.

– Это ведь вы дежурили вечером третьего дня? – задал первый вопрос Воловцов.

– Так точно! – гаркнул старший унтер-офицер Подвойский и вытянулся во фронт, как и положено по уставу, развернув плечи, подав корпус немного вперед и подобрав подбородок.

– Вольно, – был вынужден сказать Иван Федорович и добавил: – Мы же с вами не на плацу, а просто беседуем.

– Слушаюсь, – уже спокойнее произнес старший унтер-офицер и ослабил стойку.

– Расскажите мне подробно, как все происходило, – дружелюбно попросил Воловцов.

– Через два с половиной часа по заступлении мною на дежурство я услышал стук в дверь, – ровным голосом начал повествование Подвойский. – Я открыл и увидел на пороге молодого человека лет двадцати пяти. Он был трезвый как стеклышко, однако изрядно замерзший и вид имел очень нездоровый.

– Как вы все это определили? – воспользовавшись паузой, спросил Воловцов.

– У него блеск в глазах был такой... не совсем хороший, что ли, – немного подумав, ответил Подвойский. – Еще его бил озноб, – добавил унтер. – И он все время шмыгал носом.

– Понятно, – констатировал Иван Федорович и кивнул старшему унтер-офицеру, что означало приглашение продолжать.

– Когда я ему открыл дверь, он сразу заявил, что его следует немедленно заарестовать, – охотно заговорил унтер-офицер Подвойский. – Я для начала, как и положено, попросил его представиться. Он назвал себя московским мещанином Иваном Александровичем Колобовым. Он вошел, я попросил его покуда присесть, полагая, что у него зашел ум за разум и, немного оклемавшись, он поймет, что несет чушь, повинится и уйдет. Знаете, – глянул на Воловцова старший унтер-офицер, – таких граждан к нам иногда заносит, которые вдруг признаются в законопротивных проступках, которых на самом-то деле они никогда не совершали. В основном это нездоровые на голову люди, отпущенные из психических клиник, поскольку опасности никакой они не представляют. Случается, таких людей и не отличишь от здоровых. Вот как этого Колобова, к примеру.

– Да, такое бывает, – согласился с Подвойским Иван Федорович. В его следственной практике было несколько случаев самоговора, но более всего запомнился один...

* * *

Дело об убийении мещанки Анфисы Петровой и ее троих детей в Третьем Лаврском проезде два года назад наделало немало шума. Вся Москва следила за ходом этого расследования из газет, ведь городской обыватель весьма падок до всего такого, где имеется романтическая подоплека, загадочность или невиданная доселе жестокость. А ежедневная пресса просто рада потакать подобным запросам публики, тем самым значительно увеличивая тиражи, а стало быть, и собственный доход.

Тогда, два года назад, Иван Федорович всего-то два месяца как был переведен из Рязани в Первопрестольную на службу в Департамент уголовных дел Московской судебной палаты с предоставлением должности судебного следователя по важнейшим делам. Ему положили оклад в семьсот пятьдесят рублей в год и предоставили казенную квартиру в одном из Кавалерских корпусов Кремля, где проживали сенатские и судебные чиновники.

Вскоре Воловцов получил чин коллежского советника, соответствующий чину пехотного полковника. После чего ему стали поручаться дела, подпадающие по своей значимости и общественному резонансу в разряд «важнейших».

Дело об убиении мещанки Анфисы Петровой и ее троих детей попало в особую категорию после того, как наделало в Москве много шума, а участковый пристав Мещанской полицейской части надворный советник Покровский, проводивший дознание, от всего увиденного потерял самообладание и впал в глубочайшую меланхолию, приведшую к его душевному расстройству, что негативно сказалось на ведении дела: оно оставалось нераскрытым. После того как пристава Покровского свезли в Преображенский смирительный дом под психиатрический патронаж практикующего приват-доцента Московского университета Николая Баженова, это дело поручили вести судебному следователю Ивану Воловцову. Расследование началось с изучения фотографий произошедшего. В какой-то степени оно и к лучшему, а иначе – кто знает, – может, пришлось бы и Воловцову последовать за приставом Покровским...

Суть дела была такова.

В субботу, двадцатого апреля тысяча девятьсот первого года, в половине пятого пополудни к постовому городовому Емельянову обратился взволнованный молодой человек, назвавшийся мещанином Василием Жилиным. Он поведал городовому, что, придя домой, обнаружил свою квартирную хозяйку Анфису Петрову лежащей на кухне в луже крови. Городовой Емельянов поспешил в Третий Лаврский проезд близ Екатерининского парка, где находилась квартира Петровой.

Войдя в квартиру, Емельянов и правда увидел распластанную на полу окровавленную женщину, лежащую недалеко от входной кухонной двери. Это была квартирная хозяйка, двадцативосьмилетняя Анфиса Петрова. По всем признакам она была мертва. В смежной с кухней комнате вся в крови лежала ее одиннадцатилетняя дочь Тамара, также не подававшая признаков жизни. Увидев ужасающую картину, городовой Емельянов поспешил к проживающему на Старой Божedomке (близ Мещанской полицейской части) участковому приставу Покровскому, который тотчас прибыл на место преступления.

Помимо изрубленных топором и исколотых, по всей видимости, ножом Анфисы Петровой и ее дочери Тамары пристав обнаружил еще одну дочь Анфисы, Клавдию, шести лет, у которой было перерезано горло и исколото лицо, а также сына Петра двух лет, изрубленного едва ли не на куски.

В комнатах царил полнейший беспорядок, какой бывает при ограблениях. Два сундука Анфисы Петровой были взломаны, лежащие в них вещи разбросаны по полу. В комнате, где лежало почти расчлененное тело маленького Петра, был обнаружен окровавленный топор, на полу кухни возле порога – испачканный кровью кухонный нож. Пораженный увиденным, Покровский долго не мог прийти в себя: последующие три дня он не выходил из дома и, запиравшись,пил горькую. А когда его немного отпустило, участковый пристав взялся за следствие.

Удалось выяснить, что Анфиса Петрова вместе с мужем Афиногеном и детьми снимали трехкомнатную квартиру с кухней и чуланом, сдавая, в свою очередь, две из трех комнат жильцам. А недельки через две Покровский слегка тронулся рассудком и был помещен в Преображенский смирительный дом, поскольку нуждался в тамошнем уходе. Так что судебному следователю Воловцову пришлось начинать все с самого начала: вникать в суть дела, поднимать имевшиеся материалы, заново опрашивать свидетелей. Все это крайне затрудняло продвижение следствия.

Воловцов начал с допроса мужа Анфисы и выяснил, что из взломанных сундуков ничего не пропало, кроме двухсот восемнадцати рублей, которые они скопили, сдавая комнаты внаем.

Потом недели две Иван Федорович опрашивал соседей Анфисы Петровой касательно посещений ее квартиры посторонними людьми, а также выяснял личности жильцов, которым хозяйка сдавала комнаты. И тут выяснилась интересная подробность: никто в ее квартиру из

посторонних лиц в день преступления не входил. Постояльцы в преступлении участвовать не могли, потому что в тот злополучный час их не было в квартире. Железное алиби. Кроме разве что одного – нигде не работающего восемнадцатилетнего Василия Жилина, того самого, что сообщил городовому Емельянову о преступлении, возможно, с целью отвести от себя вероятное подозрение. Кроме того, Жилин, по словам буквально всех, кто его хорошо знал, всегда страдавший безденежьем и задолжавший нескольким лицам более восьмидесяти рублей, вдруг раздал все долги и купил себе длинное демисезонное пальто, фетровую шляпу с репсовой лентой на тулье и черные хромовые штиблеты из французского шевро на шнуровке. Такой гардероб стоил немалых денег. Вот только откуда они у него взялись? И не теми ли двумястами восемнадцатью рублями, пропавшими из сундука Петровых, так разухабисто распорядился Жилин?

На допросе подозреваемый держался (или старался держаться) на удивление невозмутимо, на все вопросы Воловцова отвечал охотно и обстоятельно. Это означало, что он либо невиновен, либо хорошо подготовился. На вопрос о происхождении денег Жилин пояснил, что недавно получил по почте обещанный расчет из Тулы, где он служил конторщиком.

– А еще городской управою мне было заплачено сорок восемь рублей за участие в общественных работах, – добавил Жилин и честно посмотрел в глаза Ивана Федоровича.

Оставалось выяснить правдивость сказанного. Если его слова подтвердятся, скорее всего, он не является убийцей молодой женщины и ее детей. А вот если Жилин соврал, то напрашивался однозначный вывод: убил именно он. Ну а дальше следует принудить Жилина дать признательные показания, что будет делом техники, каковой судебный следователь Иван Федорович Воловцов обладал в полной мере...

Пока Воловцов ожидал ответа из почтового ведомства, он посетил городскую управу и выяснил, что Василий Жилин действительно получал причитающиеся ему деньги за участие в общественных работах. Однако сумма, которую он назвал – сорок восемь рублей, – существенно разнилась с суммой, подлинно ему выплаченной, – двенадцать рублей восемьдесят четыре копейки. Это означало, что один раз он уже солгал, и вера его словам крепко пошатнулась. Ежели он солжет еще и про сумму, присланную ему по почте, Воловцов, а он уже так решил, прикажет взять Василия под стражу и станет допрашивать его уже в качестве обвиняемого.

Наконец почтовое ведомство ответило следующее: никаких денег из Тулы или вообще откуда бы то ни было тульский мещанин Василий Дементьевич Жилин не получал. И вот как только следователь Воловцов решил, что настала пора взять Жилина под стражу и поместить его в следственное отделение Таганской тюрьмы, вдруг объявился некто Алексей Игнатьевич Рогожский, который заявил, что Анфису Петрову и ее детей убил он...

А произошло это следующим образом...

Рогожский подкараулил Воловцова, когда тот выходил из здания Судебной палаты и Окружного суда. От стены отделился мужчина лет сорока в драповой крылатке и фуражке и заступил Ивану Федоровичу дорогу:

– Это ведь вы ведете дело по убийству мещанки Анфисы Петровой и ее детей в Третьем Лаврском проезде?

– Откуда вам это известно? – недовольно спросил Воловцов, оглядывая незнакомого мужчину.

– Москва – это большая деревня, – туманно изрек незнакомец и улыбнулся. – Позвольте представиться: губернский секретарь Рогожский Алексей Игнатьевич. Вы можете не называться, я вас знаю, – добавил он с улыбкой.

– Простите, но я тороплюсь, – буркнул Иван Федорович и даже успел сделать несколько шагов, после чего услышал от Рогожского насмешливое:

– Торопитесь арестовать этого юношу Васю Жилина и предъявить ему обвинение?

– Кто вы такой? И что вам угодно? – обернулся Воловцов и остро посмотрел на мужчину в крылатке.

– Кто я такой, вы уже знаете, я же представился, – произнес Рогожский тоном, каким добрые учителя разговаривают с нерадивыми учениками. – Что же касается вашего второго вопроса «что мне угодно», я отвечу так: мне угодно сделать вам признание. – Иван Федорович ничего не сказал, он продолжал неотрывно смотреть на Рогожского. – Это я совершил все убийства в Третьем Лаврском проезде. И теперь нет мне прощения. – Мужчина в драповом пальто шумно сглотнул и повесил голову, выражая всем своим видом сожаление и покорность. – Совесть меня заела!

Несколько мгновений Воловцов решительно не знал, что делать. Потом, осмыслив наконец услышанное, цепко взял мужчину под локоток и повел его обратно в бывшее здание Сената. Доведя молчавшего Рогожского до своего кабинета и по-прежнему не отпуская его локоть, Воловцов открыл ключом дверь и втолкнул мужчину в кабинет.

– Садитесь, – отпустил он наконец локоть Рогожского. Вызывать секретаря из канцелярии Иван Федорович не стал, решив лично записать показания Рогожского.

– Итак, ваше имя и сословная принадлежность?

– Я же вам уже представился, – несколько удивленно протянул Рогожский.

– Так положено, протокольная форма.

– Ну, конечно, если так, мне приходится впервые делать подобное признание. Опыта, как говорится, никакого... Извольте! Рогожский Алексей Игнатьевич. Дворянин.

Воловцов быстро записал.

– Где служите? Должность? Чин?

– Более не служу... Устал, знаете ли... Имею чин губернского секретаря как бывший действительный студент университета.

– На какие средства проживаете? – Воловцов поднял взгляд от бумаги.

– Отец оставил мне некоторый капитал в облигациях и процентных бумагах, достаточный для вполне сносного существования. Так что не тужу!

– Задаю вам следующий вопрос... Это вы убили мещанку Анфису Петрову и ее троих детей? – Воловцов буквально впился в лицо задержанного строгим взглядом.

– Да, – уверенно произнес Рогожский. – Это я убивец.

– Расскажите, почему вы это сделали.

– Объяснение простое... Так случается... Мы были давними любовниками с Анфисой. А потом она вдруг дала мне от ворот поворот, заявив, что больше не желает обманывать мужа. Понимаете? – он посмотрел прямо в глаза Воловцову. – До этого мужа обманывать она хотела, а вот теперь перестала хотеть. Ну и как это прикажете понимать?

– И вы считаете это веской причиной для убийства?

– Я был очень зол! – произнес он, негодуя.

– Значит, вы в запале чувств убили свою любовницу, а заодно и ее детей?

– Именно так.

– Надо полагать, спонтанно...

– Вам ответить правду?

– Разумеется. Разве вы сюда не для этого пришли?

– Отнюдь не спонтанно... Я весьма основательно готовился и терпеливо выжидал подходящий момент. Дождавшись наконец, когда в квартире Петровой не будет постояльцев, я через черный ход, от которого у меня был ключ, проник на кухню, где и встретил Анфису.

– Та-ак, продолжайте. Что же она вам ответила?

– Она была удивлена: «Я же тебя просила, чтобы ты больше ко мне не приходил. У меня есть муж, и я боюсь его потерять». А я ей отвечаю: «Я пришел к тебе не для того, чтобы прелюбодействовать». Мне даже показалась, что она выглядела немного удивленной: «Тогда для

чего?» – «А вот для чего», – ответил я и, выхватив стилет, ударил ее в самое сердце. Стиллет был длинным и очень острым и легко прошел меж ребер, пронзив сердце и легкое. Она умерла, даже не пикнув. – Рогожский с виноватой улыбкой опять посмотрел на Воловцова: – Вы даже не представляете, как я страдаю!

– Простите, – немного опешил от услышанного Иван Федорович. – Согласно экспертному медицинскому заключению, Анфиса Петрова умерла вследствие проломов и раздробления черепа, полученного от ударов топором...

– Вы меня не дослушали... Я же потом еще несколько раз ударил ее по голове топором, – как-то излишне бодро проговорил Рогожский, что тотчас же насторожило Воловцова.

– Зачем же вам нужны были все эти зверства, позвольте полюбопытствовать? – Иван Федорович не отрывал взгляда от капельки пота, медленно ползущей по виску собеседника.

– Потому что... я был очень зол на нее, – не сразу нашелся что ответить Рогожский.

– А сколько раз вы ее ударили топором? – вкрадчиво поинтересовался судебный следователь, в голову которого стало закрадываться необъяснимое пока подозрение.

– Три, – ответил Рогожский и, похоже, увидев что-то на лице Ивана Федоровича, быстро поправился: – Нет, шесть раз... Хотя точно не могу сказать. Вы думаете, я колошматил ее по голове и считал удары, полагая, что все это мне понадобится во время следствия?

«Ударов было девять», – хотел было сказать Иван Воловцов, но промолчал. Необъяснимое подозрение стало быстро перерастать в твердую уверенность, что его собеседник просто «вколачивает ему баки»⁵, как принято выражаться среди уркаганов⁶. Вот только зачем ему это нужно?

– Хорошо, – внешне спокойно и даже доброжелательно промолвил Иван Федорович. – А сколько раз вы еще использовали свой стилет?

– Еще два раза, – без запинки ответил Рогожский.

– Когда именно? – спросил Воловцов.

– Когда убивал обеих дочерей Анфисы, – последовал ответ.

– Как их звали, кстати? – быстро глянул на собеседника Иван Федорович.

– Тамара и Клавдия, – ответил Рогожский. – Вы даже не представляете, как я любил этих девочек! Они мне были словно дочери. Боже, что я натворил! А как смотрела на меня младшая, когда я... – Рогожский горестно умолк и отвернулся.

На последние вопросы он ответил правильно и весьма убедительно, но чувство, что ему врут, не оставляло судебного следователя. Это ощущение усилилось, когда на вопрос Ивана Федоровича, где же стилет находится сейчас, Рогожский ответил, что выбросил его в Москву-реку с Москворецкого моста. И тут же с готовностью добавил, что может показать место, с которого он бросил стилет.

Воловцов решил привести Рогожского на место преступления, в квартиру Анфисы Петровой, где собирался провести следственный эксперимент, проверить полученные вследствие допроса Рогожского сведения путем воспроизведения обстановки и действий в процессе совершенного (или не совершенного) им противозаконного деяния, и стал подробно расспрашивать, где стоял он сам, где в это время находились жертвы. Каким образом подозреваемый совершал свои злодеяния...

⁵ Вколачивать (вкручивать) баки – врать; отвлекать внимание (*жарг.*).

⁶ Уркаганы – преступники (*жарг.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.